

КРЕПОСТЬ

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

Артем Каменистый

Крепость (Альфа-15)

«Автор»

2026

Каменистый А.

Крепость (Альфа-15) / А. Каменистый — «Автор», 2026

Первая дуэль и первое горькое разочарование в дуэлях. Первое наступление всей армией Севера и первое... Нет, вот тут я не разочаровался, ведь заранее догадывался, к чему приведёт неожиданное решение командования. Между этими событиями всё идёт как обычно: я всячески стараюсь усилить себя и своё невеликое войско; а моё войско, не занятое походами, предсказуемо пытается морально разложиться, из-за чего всё больше и больше страдает имущество окружающих. Ну да ничего, пускай разла... культурно отдыхают, ведь очень скоро им придётся серьёзно поработать. Настолько серьёзно, что нас всех заранее хоронить станут. Да уж, не работа, а мечта. Для смертников.

Артем Каменистый

Крепость (Альфа-15)

Глава 1 Не тонкие тонкости толстого кодекса

Крепость (Альфа-15)

Глава 1

Не тонкие тонкости толстого кодекса

Дуэли в империи — дело весьма уважаемое и, как ни странно, аристократы его не монополизировали. Поединки, как до смерти, так и на других условиях, могут устраивать кто угодно: хоть наследники престолов, хоть самые нищие простолюдины. Главное, чтобы они проводились в границах сословий и не противоречили особому кодексу.

К примеру, если пара самых заурядных сборщиков риса что-то не поделила между собой, они по взаимному согласию (или настойчивости одной стороны) могут разрешить разногласия при помощи кулаков прямо на месте, никакие кодексы для этого не требуются. Если банального мордобоя почему-то недостаточно, можно обратиться к арендатору земель, или, за его неимением, к представителю клана, что ими владеют. Если тот окажется добрым человеком, то прикажет всыпать обоим равное количество плетей, чтобы никому не было обидно; в противном случае даст дозволение на кровавый поединок. И простолюдины сойдутся на пыльном дворе, держа в руках то, что полагается им по статусу: мотыги, серпы или вилы.

Нечасто такое случается, потому что кланам и арендаторам вариант с плетями выгоднее, ведь там куда меньше риска лишиться одного или обоих работников навсегда или на срок выздоровления. Тем не менее, в дуэльном кодексе есть немалый раздел, в котором многословно объясняются все возможные нюансы таких «примитивных» поединков.

Но основные, так сказать, «потребители» — всё же аристократы. Значительная часть таких конфликтов в их среде — своего рода почти безобидный спорт. Из десяти дуэлей семь-восемь завершаются или замирением сторон, или кто-то отделяется пустяшным ранением. Если говорить о севере, там процент бескровных или почти бескровных поединков даже больше, а значительная часть смертей — случайность. Кто-то фатально не рассчитывает силы или весьма неудачно подворачивается под мощный боевой навык; также случается, что оговоренные условия схватки повышают риск трагического исхода.

То есть сознательно убивать стремятся нечасто и обычно лишь в тех случаях, когда выигравшую сторону не пугают возможные неприятные последствия: месть родственников или друзей погибшего, клановая война и прочее. Если кому-то хочется обязательным условием дуэли поставить именно смерть противника, это, как бы, не запрещено, однако потребует весомый повод, иначе окружающие не поймут, что чревато минусами к репутации и сопутствующими проблемами. Эдакий механизм сбережения благородной крови, не позволяющий проливать её чрезмерно по пустяшным поводам.

Эккест Меннай предпринял всё возможное ради того, чтобы повод оказался веским. Тяжкое и неоднократное оскорбление, нанесённое при многочисленных свидетелях (да ещё и при потенциальном наследнике престола северной империи) — не тот случай, где можно отделаться царапиной или извинениями, произнесёнными сквозь зубы. Это верная заявка на самый редкий вид дуэли.

До смерти.

Тот нюанс, что это именно он нарывался, а не я, как ни странно, большого значения не имеет. То, что вызвал не Меннай, тоже неважно.

Дурацкий кодекс не нарушен, значит, всё хорошо.

Да уж, подставили меня знатно, причём устроили это просто до примитива. Я-то ждал какие-то изощрённые провокации, и вдруг меня вот так, топорно и бесхитростно. Верни время назад, даже не представляю, каким образом можно ситуацию преломить в свою пользу. Я ведь никак не провоцировал конфликт, это Эккест нарывался грубо и прямолинейно, упорно и последовательно, что в аристократической среде считается предосудительным поведением. То есть он ставил под удар свою репутацию ради того, чтобы не оставить иного выхода. Мне вообще не стоило туда идти, потому что ни одного варианта избежать конфликта Эккест не пропустил, все перекрыл.

Но как откажешь самому принцу?

Дальнейший обед превратился в тот ещё балаган, где южане и северяне друг другу высказывали всевозможные претензии, распаляясь всё больше и больше. Принц, несмотря на опьянение, быстро осознал, что ещё чуть-чуть, и обоснованные вызовы на смертельные дуэли посыплются десятками. Ему эти перспективы не понравились, оскандалившееся мероприятие резко свернули, собравшимся приказали быстро и без ругани разойтись по местам дислокации отрядов, где посидеть некоторое время, избавляясь от гневных мыслей.

Так что очень скоро я вновь оказался в своей удивительной полевой крепости, где на меня налетели Кими и Камай.

Не знаю, каким образом они прознали о случившемся так быстро, не иначе, как телепатией кто-то обладает.

— Господин! Позвольте, я заменю вас на этой дуэли.

Я в этот момент мечтал о посещении выстроенной в лагере бани и потому вздохнул.

Понял, что быстро в ней оказаться не получится.

— Я не Эккест, сослаться на незажившие раны не получится, так что ни о какой замене не может быть и речи.

— Ты думаешь, у этого мерзкого южанина кишки из дыры в брюхе лезут? — хмыкнула Кими. — По слухам, этот мерзавец спяну надышался дыма от алхимии, когда мы их лагерь у Феоронниса жгли, и даже не пытайся мне доказывать, что у Меннай не оказалось лекаря, способного с такими пустяками быстро справляться. Так что это лишь очень сомнительный предлог, чтобы выпустить против тебя профессионального поединщика. Как по мне, это очень некрасивая практика, но многие её используют, и таких хитрецов почему-то не принято сильно осуждать. Да и за что тебя осуждать, если ты поступишь так же? Все видели, как безобразно вёл себя этот Меннай. Он бесчестный человек, а ещё семья у него не чета Кроу. Выскочки недостойные, даже твой идзумо стоит больше, чем любой из них. Так что послушай Камая.

— Ты совсем с ума сошла? Его этот Эккест даже со связанными руками раздавит за минуту, а уж против его бойца Камай и десять секунд не продержится.

— Господин, я ваш идзумо, это мой долг и моя привилегия. Если противник выставляет замену, вы, как представитель древнейшего клана Арсы, имеете полное моральное право обратиться ко мне. Ну а для того, чтобы соблюсти норму дуэльного кодекса, достаточно заявить о крайней степени вашего утомления после тяжелого похода.

— Да, так и скажем, — одобрила Кими. — Ты только что из опасного похода вернулся, ты неделю спал в седле, ты, конечно же, устал очень сильно. По кодексу обоснованное утомление приравнивается к недавнему ранению, а у тебя оно точно обоснованное, даже ассиопцы не смогут это отрицать. Сами же нас гоняли по лесам и равнине, заставили побегать.

Я покачал головой:

— Меннай жалкие выскочки, а я Кроу. Кроу так низко не поступают.

— И куда пришли Кроу со своими высокими принципами?! — начала злиться Кими. — Ты последний из рода, на тебе род и закончится, когда выйдешь против головореза Эккеста. Неужели ты думаешь, что они не подготовились, как следует? Да южане тут последнее время о тебе только и спрашивали. Ждали, когда ты появишься. Уж не сомневайся, эти твари знают, как убивать таких, как ты. И они это делают по всем правилам кодекса, не подкопаешься.

В шатёр заглянул мрачный Бяка:

— Гед, там какие-то копчёные пришли. Рожи наглые и побрякушки на них интересные. Дорогие, сразу видно.

— Ты зашёл, чтобы о побрякушках поговорить?! — почти рявкнул я.

— Да нет, это я просто так сказал. Они сообщить условия вашей драки хотят.

— Какие условия? — не понял я.

Кими закатила глаза:

— О великий ПОРЯДОК! Гедар, я иногда забываю, что ты вырос в какой-то деревне на краю земли, но в такие моменты сразу вспоминаю! Ты дуэльный кодекс хотя бы пытался читать дальше обложки?!

— Я пока что в процессе, как раз на середине обложки остановился.

— Оно и видно! Подозреваю, тебя спровоцировали на вызов, а это значит, что вызванная сторона имеет право выдвинуть условия дуэли. И понятно, что условия будут для тебя невыгодными, с каким-то подвохом. Не соглашайся ни на что.

— А разве так можно?

— Господин, разумеется, можно, — уверенно заявил Камай.

— Да, можно, — подтвердила Кими и чуть скривилась. — С некоторыми оговорками конечно и не всё разрешается отклонять. Ну и потом тебя могут начать высмеивать. Даже если всё по кодексу, это почти неприличное поведение, на грани трусости. Так считается. Кодекс допускает даже подобие независимого суда, чтобы попытаться изменить условия, но не одобряет это. Крайняя мера для исключительных случаев, а доказать исключительность непросто.

— Так что им отвечать? — спросил Бяка. — Там и условия дуэли хотят сказать, и показать замену надо.

— Они привели поединщика? — встрепнулся я. — И ты молчал?!

— Да когда бы я успел сказать? Ты сначала наехал на меня из-за того, что я про побрякушки начал рассказывать, потом вы между собой лаяться начали.

— Ты видел этого поединщика? — спросила Кими.

— Ага. Какой-то коротышка лопухий. Рожа смешная, нос как лепёшка, будто его в детстве каждый день по лицу тяжелой доской лупили. Какая-то круглая фигня на груди висит. Из золота и с самоцветами, явно тяжёлая. Интересная штучка... дорогая...

— Заканчивай уже о побрякушках, — сказал я. — Давай зови их сюда, хочу на этого красавца посмотреть.

— Да какой он красавец, — заявил Бяка, разворачиваясь. — Ослу хвост подними и посмотри, там он красивее будет.

* * *

С описанием внешности Бяка не напортачил. Сам я по местным меркам выше среднего роста, но не великан, среднестатистический мужчина уступает мне приблизительно на треть головы, а этот ниже на всю голову. Уши тоже соответствуют — оттопырены на совесть, нос уплощённый, как у многих темнокожих уроженцев крайнего юга. Отдалённо похож на моих смертоносцев, возможно из родственной народности, но те куда крепче и гармоничнее сложены, и лица не настолько грубые.

Да пусть хоть с жирафа ростом вымахает, пусть плечи его будут шире небоскрёба. Главное — этот коротышка не один из тех двух «багровых», в чью сторону я даже коситься опа-

сался, когда пришлось сидеть напротив ассиопцев в пиршественном шатре принца Дээула. А ведь в тот момент сильно подозревал, что кто-то из них именно для меня предназначен.

И вдруг такое облегчение.

Да-да, мощнейшее облегчение, потому что Баланс «замену» подсвечивал пусть и в красный цвет, но до пугающей багровости очень и очень далеко. Этот противник тоже для меня опасен, но не из тех, что запросто способны мною в футбол сыграть и не запыхаться. Я и посильнее встречал, и все те встречи заканчивались для оппонентов трагически.

Каким бы опытным бойцом он ни был, я должен справиться. Неодолимых козырей у него нет, Баланс бы их учёл, отметив изменением окраски в угрожающую сторону.

Прям от сердца отлегло.

Представитель Эккеста показал на моего противника:

— Господин Сэшш Аоро из Гноббов был столь любезен, что взялся заменить занемогшего после ранения представителя дружественной семьи. Они, можно сказать, соседи с давними связями, так что замена обоснованная. Его просветление не слишком отличается от заявленного вами, кровная связь между Аоро и Меннай через Гноббов также присутствует, поэтому вам придётся предъявить веские доводы, чтобы отклонить его кандидатуру. Это не я говорю, так говорит дуэльный кодекс. Если есть сомнения в просветлении, мы их легко и быстро развеем.

Я покачал головой:

— Кандидатура господина Сэшша Аоро меня устраивает.

— Отлично, — холодно улыбнулся представитель. — Тогда осталось согласовать время, место и условия. Мы желаем устроить дуэль за час до заката в старых руинах, что возле лагеря. Особое условие: без свидетелей.

— И чем же вам свидетели помешают?

— Господин Сэшш не стремится к лишней публичности, а также он считает что вы опасный противник, и ему, возможно, придётся показать против вас всё, что у него есть. Он, как и многие, не желает демонстрировать на публике весь набор своих возможностей. Не думаю, что у вас есть веские основания для возражений по этому пункту. В старых руинах есть обширное помещение, оставленное искателями древностей. Вы, наверняка, обращали внимание на эти развалины: большая каменная пирамида с плоской вершиной, что располагается вон в той стороне. Очень удобное место: вход один, его легко контролировать, вашему поединку никто и ничто не помешает. Так что оснований для возражений я не вижу.

Странное условие, но если подумать, представитель дело говорит. Я вот тоже не очень-то люблю демонстрировать некоторые свои возможности, должно быть и у этого молчаливого головореза есть то, что показывать всему свету он не стремится.

Неприятно будет столкнуться с какими-нибудь неожиданно-оригинальными навыками или артефактами, но у меня есть, что противопоставить любым угрозам. Главное — не позволить себя убить в первые секунды, а это у противника вряд ли получится. Даже при самом скверном раскладе на одних Игнорированиях продержусь некоторое время.

— Хорошо, — кивнул я. — Встречаемся за час до заката, на руинах к северо-западу от лагеря.

— Всё верно, — кивнул представитель. — Бой до смерти или до сдачи на милость победителя, один на один, руины, за час до заката, без лошадей, любое оружие, любые артефакты, любые навыки, без ограничения по времени. Какие-нибудь возражения имеются?

Я кое-что вспомнил и решил блеснуть эрудицией:

— Дуэльный кодекс не разрешает поединки без временных рамок.

Собеседник пожал плечами:

— Не думаю, что вам захочется жизнь провести в той пирамиде, но хорошо, добавим условие: если до полуночи никто не выйдет, представители сражающихся могут зайти для выяснения. Если нет других возражений, на этом и остановимся.

Я покачал головой:

— Возражений нет.

— Отлично! Тогда встретимся перед закатом.

Ассиопцы ушли, причём Сэшш Аоро так и не проронил ни слова.

Ну и пускай молча катится...

— Вот зачем ты согласился?! — прошипела Кими.

Я отмахнулся:

— Этот Сэшш Аоро воин приличный, но мне он не соперник. Так что можете расслабиться.

Камай покачал головой:

— Господин, веры ассиопцам нет. Не понимаю, как вы с одного взгляда оценили силу этого южанина, но учтите, что он может вводить вас в заблуждения. Этот поганый народец славится своим коварством.

— Какие-то козыри у него наверняка есть, — признал я. — Но мои козыри сильнее, не сомневайтесь.

В шатёр вновь заглянул Бяка:

— Гед, там опять появился тот тип, что утром с тобой говорил. Перст десницы. Хочет срочно тебя видеть.

— Давай его сюда.

Эмэс, зайдя, кивнул мне и вопросительно покосился на моих собеседников.

Указав на них, я пояснил:

— Мой идзумо Камай и Кими. Она верный вассал Кроу, при них можете говорить о чём угодно.

— Как скажете, господин Гедар, большие секреты я тут выдавать не собираюсь. Торопясь на встречу с вами, я столкнулся с уходящими ассиопцами. Полагаю, они приходили не просто так, а что бы высказать условия поединка?

— Да.

— И вы, разумеется, высказали возражения с целью потянуть время?

— А какой смысл его тянуть? Я прикончу этого Сэшша, после чего буду настаивать на поединке уже с Эккестом. Я в своём праве, ведь оскорбление явное, грубое и не спровоцированное, а также очень личное, так что второй раз замену этот южный змей выставить не сможет. Надеюсь, после такого у других желающих прикончить меня при помощи дуэльного кодекса появятся сомнения.

Эмэс вздохнул:

— Сэшш — злобный пёс служащий всем ветвям Гноббов и особенно Меннай. Он далеко не самый сильный воин у ассиопцев, поэтому выставление его против человека вашего возраста и возможностей не выглядит совсем уж бесчестным. Однако он убил на дуэлях низкого и среднего уровня столько людей, что никто не может назвать конкретную цифру. Что-то около шести десятков, и, как по мне, это чересчур много. Причём почти все его дуэли проходили без свидетелей.

Я кивнул:

— Именно это условие они и потребовали.

— Плохо, господин Гедар, очень плохо... Вы ведь понимаете, что у него есть какие-то особые способы существенно повысить свои шансы в дуэлях такого уровня?

— Да. Что-то действительно особое, что он не хочет светить перед зрителями. Полагаю, у меня будет что на это ответить.

— Не разделяю вашу уверенность, господин Гедар. Очень плохо, что вы поддались на провокацию.

— Господин Эмэс, это не было провокацией, это был попросту наглый и ничем не спровоцированный наезд. Их высочество, к сожалению, не пресёк его сразу, и Эккест успел чересчур много наговорить. Некоторые его выражения шокировали всех присутствующих, не всякий простолюдин до таких гнусностей опустится. Этот ассионец попросту наплевал на свою репутацию и не оставили мне выбора. Уклониться от такой дуэли я мог только в том случае, если бы проигнорировал приказ нашего принца и не появился там.

Эмэс покачал головой:

— Я же предупреждал, что принц вами не слишком доволен. Вам следовало постараться сделать всё возможное, чтобы не предстать перед ним, даже если ради этого пришлось бы немного не подчиниться высокому указанию. Жаль, очень жаль, что всё так получилось...

— И всё же не торопитесь меня хоронить.

— Ну что вы, даже в мыслях не было, ведь я, как и вы, надеюсь на лучшее. Просто сумма обстоятельств указывает на высокую возможность худшего расклада. Меннай хитры, они запросто могут задумать такое, до чего ни вы, ни я не додумаемся.

— Надо проверить эту пирамиду, — сказала Кими. — Они неспроста именно на ней настаивают, там наверняка есть какой-то подвох.

— Перед поединком её обязательно проверят, не сомневайтесь, — заверил Эмэс. — Но, знаете, мысль не пустая, сам на неё взгляну прямо сейчас, для верности.

— Я с вами, — заявил Камай.

— И я, — добавила Кими.

Оставшись в шатре в одиночестве, я крикнул:

— Бяка! Ещё посетители остались?!

Приятель тут же возник на пороге:

— Да были тут одни, но я им сказал, чтобы шли вон. Ненавижу попрошаек.

— Неужели попрошайки так обнаглели, что к благородным на приём ломятся? — удивился я.

Бяка поморщился:

— Ну не то, чтобы попрошайки... Какие-то балаганщики из толпы, что вокруг лагеря собралась. Хотят пожаловаться на то, будто мы в какой-то ерунде замешаны.

— Что за ерунда?

Бяка поморщился сильнее:

— Говорят, после того, как здесь появился наш лагерь, вокруг начали случаться необъяснимые пропажи разнообразного имущества. Думаю, это всё гнусная ложь, они просто злятся из-за того спора со шкафом. Многие из этих неудачников деньги тогда потеряли, вот и придумывают всякие небылицы.

Приятель напрасно попытался отвлечь меня от подоплеку возможной жалобы.

Вместо обсуждения темы спора с октом и шкафом я вернул разговор на изначальную тему:

— Какого именно имущества они не досчитались?

— Ой, да эти кляузники даже пропажу мух из сортира готовы на нас повесить. И не только эти. Даже благородные до лжи иногда опускаются. Один заявляет, что мы его обокрали.

— Вы что, снова обокрали благородного?! — рявкнул я.

— Да как ты мог на нас такое подумать?! — обиженно воскликнул Бяка и расстроено добавил: — Ну что у этого нищebroда брать-то? Одни штаны, да и те с заплаткой кожаной на задку. Да там криков больше, чем убытка.

— Криков?! А вы не подумали, что даже благородный человек может испытывать нужду? От хорошей жизни штаны с заплатками носить не станут, уж не сомневайся. Красть одежду,

которая, возможно, последняя, это даже не подло, это... Я слов не нахожу. Зачем они вам? Ведь никакой пользы не вижу.

— Ну... польза ведь всякая бывает. В смысле не только материальная, а и духовная.

— Духовная? Вы что, из этих штанов предмет культа сотворить удумали?

Старый приятель начал активно качать головой, как бы опровергая такое нелепое предположение, но вот глаза его при этом подозрительно забегали:

— Да ну, какой предмет культа? Зачем преувеличивать? Мы просто поместили их на видное место, в назидание для некоторых. Напоминание о том, что нечего язык распускать, когда говоришь что-то о Кроу.

— Напоминание?! Да я, похоже, угадал, вы действительно где-то в своём бандитском логове по вечерам дружно молитесь всей бандой на драную тряпку!

— Ну почему сразу в бандитском? И да, мы не какая-то там банда, мы народ дружный, и нет, мы не молимся. Мы просто радуемся тому, что один гнусный негодяй немного пострадал из-за своей гнусности.

— Один?! Да судя по тем слухам, что до меня доходят, вы, похоже, половину лагеря в негодяи записали.

— Не говорили бы гадости, не оказались бы в этой половине. Ну что ты так нехорошо на меня смотришь? Да это всё инси... инса... инсуния... Вот же сложное слово... В общем, люди много врут. И благородные, и простолюдины одинаково много. Не надо всему верить. Вот, допустим, насчёт тряпья тоже свежий случай. Представь, какой-то уличный клоун из самого дешёвого шапито всерьёз уверяет, что уважаемые воины десницы воруют его жалкие обноски. Ну не наглец ли?

— То есть вы, воины десницы, одежду не только у благородных воруете, так получается?

— Гед, тебя прямо-таки заиклило на воровстве тряпья. У нас не так, у нас ведь всё по-честному.

— Гм... По-честному, говоришь? А скажи-ка, друг мой Бяка: почему в гардеробах Шатао и Кьяна я наблюдаю элементы одежды, похожие на детали клоунского костюма? Дурацкий галстук и воротник, манишка с розовым бантом и изображением ягодиц того же цвета, пёстрые штаны, бубенцы на шапках...

— Э! Стоп! Бубенцы не оттуда, там другой клоун! — возмущённо воскликнул Бяка и, осознав, что ляпнул лишнее, вкрадчиво добавил: — Ты же сам говоришь, что нашему, как ты его называешь, ночному спецназу требуются полноценные тренировки. Вот ребята и тренируются немножко. Совсем чуть-чуть. Иногда. Что-то у клоунов, что-то у танцоров, барабан у музыкантов, ящик с декорациями у плотников, лошадей у конных акробатов...

— Лошадей?! Немножко?! Чуть-чуть?! Вы бы ещё фургон у этих балаганщиков стащили, клептоманы обнаглевшие!

— Так чего же ты молчал?! — вскинулся Бяка. — Нужен их фургон? Хорошо, ради тебя сделаем дело вне очереди, вообще не вопрос. Очень даже интересная тренировка получится, со всех сторон полезная. Фургон ведь не просто вещь в себе, он может служить передвижным вместительным для множества других вещей. Так что я тут вижу перспективы. Ну чего злишься? Не надо волноваться и лишнее на нас навешивать, потому что те же бубенцы действительно никаким боком к нашим тренировкам и наглым балаганщикам не относятся, это совсем другое.

— Верните мои бубенцы, презренные злодеи! — донеслось снаружи.

— Заткнись, пугало ты тупое! — злобно рявкнул Бяка. — Во втором коридоре свои бубенцы поищи!

Спасибо добрым южанам, шатёр у меня артефактный, с хорошей звукоизоляцией. Но кричали так истошно, что пусть приглушённо, но звуки пробились.

Да и если бы не услышал, после криков приятеля всё понял бы.

Показав Бяке кулак, я вышел из шатра и увидел, как телохранители держат на весу отчаянно трепыхающегося коротышку, почти карлика. Нелепо-пёстрые несимметричные одеяния, злобно перекошенный огромный рот, столь же немаленький и почти бесформенный нос, сальные волосы, выбивающиеся из-под нелепой «ушастой» шапочки, множество бубенцов пришитых там и сям. На редкость уродливый мужичок неопределённого возраста, но при такой внешности и безвкусице он выглядит... Даже не знаю, как сказать...

Гармонично, что ли...

— Отпустили меня быстро! Сатрапы! Бесталанные ничтожества! — кричал коротышка. — А ну прекратили меня лапать! Оба прекратили! Я не ваша любимая престарелая шлюха из ближайшего борделя, я герцог шутовского дела!

Я вспомнил этого человека. Точнее вспомнил первую встречу со Львёнком, когда тот докладывал о составе своего отряда.

Как он тогда о нём высказался о моих шудрах из-за моря? «Разорив один из лагерей горных разбойников, ваши степные люди пленили странного человека, называющего себя похищенным герцогом шутовского дела. Он ходит в нелепых одеждах, обшитых бубенчиками; носит пёстрый колпак; бездарно поёт гнусавым голосом пошлые песенки; рассказывает глупости, часто оскорбляя при этом слушателей; прилюдно испражняется, прыгая при этом через костры; чересчур много ест и пьёт; настойчиво показывает женщинам всех возрастов детородный орган; подкрадывается в ночи к часовым и шумно портит воздух за их спинами. Я настоятельно не рекомендую нанимать этого человека, потому что не вижу в этом военной целесообразности».

Постороннего так близко к шатру не подпускают, а двух столь колоритных людей в моей армии быть не может, так что всё сходится. И это странно, потому что я до сих пор вживую этого субъекта не видел. Да что там видеть, я даже не вспоминал о чём. Наверное, подсознательно решил, что Львёнок от него избавился, сбавив куда-то в столице, и на этом вопрос для себя закрыл.

Да, действительно подсознание почти вычеркнуло его из памяти. Несмотря на красочное описание Львёнка, я об этом забавном персонаже никогда не думал. Да и зачем мне время тратить на мысли о совершенно не нужном человеке?

Даже странно, что те слова наёмника не забылись.

— Что он натворил? — спросил я.

— Господин, этот наглец рвался в ваш шатёр, — ответил один из телохранителей.

— Плетей ему выписать! Да побольше! Чтобы перестал молоть чепуху! — злобно предложил Бяка.

— Бубенцы никакая не чепуха! — гневно завопил коротышка. — Это важная часть образа! Я требую прекратить поползновения в сторону моего реквизита!

Телохранитель отвесил шуту затрещину и рявкнул:

— Заткнись! Перед тобой сам господин десница!

Схваченный выгнулся, повернул голову, сумел дотянуться до меня скошенным взглядом:

— Прости, господин десница, не видел тебя из-за этих дуболомов! Я герцог шутовского дела, и я хотел пожаловаться на бесчинства твоих людей. Притесняют они меня всячески и часто воруют имущество. Но так и быть, ладно, я готов их простить, если возьмёшь меня к себе шутом. Ты большой человек, ты глава великого клана, без хорошего шута такому важному человеку никак нельзя. А я не просто хороший, я самый лучший.

— Его не плетью, его палками бить надо за такие претензии! — возмутился Бяка. — Надо же, честных людей обвиняет ни за что!

— Эй! Десница! Я понимаю, я для тебя человек новый и непонятный, слушать меня ты сейчас не станешь и, наверное, велишь отделать плетью или палками. Но всё же запомни кое-что. Сегодня ты увидишь троих, где думал увидеть одного, — резко изменившимся, вкрадчи-

вым тоном произнёс коротышка. — Если ты увидишь небо в полночь, вспомни эти мои слова и подумай, что герцог шутовского дела иногда может быть полезен. Просто вспомни. И да, насчёт плетей и палок... Ты бы это... придержал их до полуночи, что ли. А там, глядишь, и не понадобятся они.

— Опять он какой-то бред нести начал! Палок ему! Много палок! Да не в полночь, а сейчас! — продолжал возмущаться Бяка.

Я с тоской покосился в сторону бани:

— Так, всё, прекращаем цирк. Никаких посетителей и просителей. У меня намечается сложный вечер, дайте дух перевести.